

Роза Люксембург

Лев Толстой

От редакции журнала «На посту»: Настоящая статья переведена тов. Р. Ковнатор из журнала «Die Kommunistische Frauen Internationale» («Коммунистический Женский Интернационал») — за январь — февраль 1922 г., где указывается, что статья эта появилась впервые в журнале «Die Gleichheit» («Равенство») от 3 декабря 1910 г.

«На своем пути каждый приходит к истине, но одно я должен сказать: то, что я пишу — не одни слова, ими я живу, в них мое счастье и с ними я умру». Этими словами, около 10 лет тому назад закончил Толстой свою статью «О смысле жизни», и его смерть дала доказательство искренности его слов.

После того, как Толстой всю свою жизнь стремился познать истину и согласовать с ней свою жизнь, он — 82-летний старец — почти перед самой смертью отчаянным бегством высвобождается из цепей буржуазной семейной жизни и, как старый ослепший орел, напряжением всех своих последних сил устремляется к полету, чтобы с разбитыми крыльями, при ветре и тумане умереть у чуждого порога.

Толстой был величайшим художником второй половины 19 столетия не только в русской, но и в мировой литературе... Своими повестями и романами: «Казачи», «Севастополь», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», как и драмой: «Власть тьмы», он создал для России могущественную эпопею общественной жизни с начала до конца 19 столетия, подобной которой никто из современных народов не может указать.

Во время буржуазного упадка искусства, которое в своем внутреннем измельчании не может подняться больше ни до великого романа, ни до великой драмы, — одинокий гений Толстого сохранял мощные художественные средства эпического поэта, и в его руках самый скромный трактат и простейший рассказ получали печать классической простоты, законченности и величия.

Но не одна только Россия, вся социальная история столетия отражается в его творчестве. Толстой видел и изобразил в тысяче образов, которые толпятся в его сочинениях, пеструю, подвижную массу из всех слоев общества, — но прежде всего человека с его страстями, с его счастьем и мукой.

Рождение и смерть, любовь и ревность, детство и глубокая старость — вот проблемы, к которым он в различнейших формах постоянно возвращался.

Он художественно постиг все человеческие страсти, слабости и настроения. И если про Гетевского «Фауста» можно сказать, что в основе своей он является энциклопедией человеческой жизни, то чисто-русские произведения Толстого образуют в своем роде вторую.

Но в Толстом нельзя оторвать художника от личности, а следовательно, и от борца. Оба обуславливают друг друга в их величии.

При всеобщем декадансе буржуазного общества — Толстой, идя равнодушно против течения времени, сохранил свое художественное чутье для понимания жизни в целом.

Силы к этому он черпал из того же существа своей великой личности, которое давало ему как искателю истины, аналитику и борцу до последнего вздоха — мужество с открытыми глазами идти против течения и громко высказывать свое мнение с бесстрашием старозаветного пророка и беспримерной правдивостью. Это был всегда и везде вечно ищущий социальный исследователь, с великим характером, с сердцем до остатка преданным трудящемуся народу, всем эксплуатируемым и угнетенным. И во всех своих образах он сумел отыскать глубочайший смысл жизни и художественно его изобразить.

Творец прекрасной «Анны Карениной», так же как дышащего фиалками «Семейного счастья», и больной старец, который убежал из родового поместья, чтобы «умереть как мужик», — одна и та же личность, огромная фигура, вокруг которой, как стадо обезьян, кружились целые толпы признанных корифеев политики, науки и искусства, патентованные «великие люди».

Великая проблема, которая занимала Толстого в течение всей его жизни, — была социальная несправедливость, а также средства к её устранению.

Это были ужасы буржуазного общества, которые на каждом шагу приводили его в негодование и принуждали к глубокому раздумью.

Трудовая жизнь бедных, праздность и пустое пошлое прозябание богатых, вопиющие мерзости войн и милитаризма, лживость буржуазного брака, лицемерие официальной церкви, гнет налоговой системы и бюрократии, воспитание, искусство, наука, извращения, на которые их осуждает современное общество, — все это непрерывно волновало неутомимого исследователя, все он подвергал своему едкому анализу и критике.

Он объявил буржуазному обществу войну и остался его смертельным врагом до последнего вздоха.

В своих первых больших романах он заставляет своих героев в середине действия произносить длинные рассуждения о социальных проблемах, о средствах искоренить бедность и неравенство.

В 70-х годах он приходит к убеждению, что все современное искусство — включая и его собственные дивные творения — суетная, паразитическая роскошь, ибо они недоступны для огромных масс трудящегося народа, ибо они являются для него чужим продуктом обеспеченного меньшинства. После такого приговора этот признанный всей Россией и всем миром художник принимает решение — самому воздержаться от всякого

дальнейшего художественного творчества и посвятить себя целиком исследованию социальных проблем, из которого на ряду с многочисленными пропагандистскими статьями родилось и его последнее крупное сочинение — «Воскресение».

Критика, которой Толстой подвергает существующее, — радикальна; она не знает никаких границ, никаких оглядок назад, никаких компромиссов.

И Толстой не знает также никаких средних путей и никаких паллиативов к смягчению социального зла.

Окончательное уничтожение частной собственности и государства, всеобщая трудовая повинность, полнейшее экономическое и социальное равенство, совершенная отмена милитаризма, братство народов, всеобщий мир и равенство всего того, что носит человеческий образ — вот идеал, который Толстой неутомимо проповедывал с упорством великого, глубоко убежденного пророка.

Социальная критика и социальные идеалы Толстого ставят его, таким образом, в ряды социализма, в ряды славного авангарда великих умов, которые освещают современному пролетариату его исторический освободительный путь. И, однако, никто не был так далек от понимания современного рабочего движения, от его идейного содержания, как Толстой.

Лишь только он подходит к разрешению вопроса, как можно осуществить социальный идеал, Толстой отворачивается от исторического пути пролетариата, ненавидит революцию и классовую борьбу, и проповедует — внутреннее совершенствование человека через христианство.

«Предложенный революционерами выход победить власть — явно невозможен. Правительства, которые уже располагают дисциплинированной силой, — никогда не потерпят образования другой дисциплинированной силы. Все попытки прошлого столетия (Толстой пишет это в октябре 1900 г.) показывают, что они напрасны. Выход не лежит и в том, как думают некоторые социалисты — что может быть создана могущественная хозяйственная организация, которая смогла бы победить объединенную силу капиталистов.

Никогда рабочие союзы, которые располагают несколькими миллионами, не смогут бороться против экономической власти миллиардеров, поддерживаемых военной силой.

Так же мало возможен выход, который другие социалисты усматривают в завоевании большинства в парламентах. Такое парламентское большинство ничего не достигнет, пока войско будет в руках правительства. Но внесение социалистических принципов в войско также ничему не поможет.

Гипнотизирование войска делается так ловко, что даже вольнодумец и разумнейший человек — поскольку он находится в армии — всегда будет исполнять то, что от него требуется. В чем же тогда выход?

Отказ от военной службы, «пока ещё не подпали под отупляющее влияние дисциплины» и — «личное самосовершенствование, т.-е. замена собственных эгоистических стремлений любовной службой другим людям, как об этом говорится в Евангелии, и в чем состоит смысл закона и пророков: поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе».

Церковное проклятие, которое встретило единственного истинного христианина в России после появления «Воскресения», и торжественное запрещение панихид по умершему достаточно показывают, как мало общего имеет христианство Толстого с официальной церковью, которая в России ещё отчетливей, чем где бы то ни было, является духовным отделением жандармерии. Но все же в «Христианской проповеди» Толстого ясно выступает реакционная черта; эта реакционная черта теснейшим образом связана с основным слабым пунктом во всем социальном анализе Толстого. Он разобрал по косточкам и проклял современное общество с точки зрения морали, справедливости, любви к народу, без того, чтобы понимать исторические отношения этого общества, из которых вытекают с неизбежностью и общественные средства к осуществлению социализма путем классовой борьбы.

Толстой в исходных пунктах своей гениальной критики, как и в конечных выводах — чистейший идеалист, и в этом он подобен и имеет одно происхождение с великими социалистами-утопистами начала 19 ст., Фурье, С.-Симоном и Оуэном. Правда, эта великая тройка стояла лишь у колыбели капиталистического развития, Толстой же умер во время жестоких проявлений его испорченности и приближающегося конца. Но сами обстоятельства его жизни достаточно объясняют направление его мысли, которое явилось для его жизни решающим.

Рожденный и выросший в крепостной России Николая I, он в зрелом возрасте был сперва свидетелем банкротства слабого либерального движения 60-х годов, потом революционного движения социалистической интеллигенции в 70-х и 80-х годах, чтобы лишь в старости пережить начало пролетарско-классовой борьбы и незадолго перед смертью — революции.

Что удивительного, если историческое влияние быстрого капиталистического развития России, с её сказочно быстро складывающимся пролетариатом, осталось для него непонятым феноменом, — и суеверный терпеливый мужик остался — представителем русского народа.

Ведь многие с.-д., вооруженные опытом зап.-европейской жизни, не могли понять русской революции, и особенно поведения рабочего класса. Даже и сейчас достаточно было поражения революции*1, чтобы во многих немецких с.-д. поколебать веру в её возможность и её победу.

Толстой никогда не понимал с.-д. и думал, что нашел своих единственных истинных апостолов в убогой крестьянской секте духоборов, которые при своем принудительном переселении в Америку трагическим образом обнаружили беспочвенность Толстовского учения. Если и этическая пропаганда Толстого, и его резкое осуждение классовой борьбы и революции в царской России имели свою реакционную сторону, то как раз то самое историческое развитие, которого Толстой не признавал, позаботилось о том, чтобы с его учения была снята скорлупа христианского индивидуализма, в то время, как блестящее золото его великих социальных мыслей вошло в сокровищницу современной духовной жизни.

Пропаганда Толстого толкнула на время несколько десятков студентов к чудаковатым выходкам, но его могучая критика, одетая в гениальные художественные произведения, будила в сотнях тысяч сердец и голов мысль, искру сознательной жизни и любовь к массе неимущих.

Дело его жизни — это кусок культуры, и сознательный рабочий класс, грядущий наследник культуры, склоняет свои знамена с благодарностью и уважением у гроба великого художника и великого человека, который по-своему до конца, боролся против эксплуатации и угнетения — и до самой смерти не знал никаких компромиссов.

---

*1 Речь идет о революции 1905 года. Примечание редакции.